

Пуламеси своим приходом вызвал в банкетном зале легкий фурор. Присутствующие спешили поздравить его с очередной крупной победой, одержанной вместе со старейшинами, и восславить его карьеру, которая в самом ближайшем будущем должна была сделать новый виток вверх.

Те, кто стоял на одной стороне с ним, едва не светились от радости.

Пуламеси лишь вежливо улыбался в ответ. Он чувствовал, что и так уже забрался слишком высоко — словно встал на самый край обрыва. Еще один шаг, и он окажется еще ближе к бездонной пропасти, где любого могут легко столкнуть, обрекая на верную гибель.

Он обернулся, надеясь увидеть принцессу Камосиси, но ее еще не было, и в душе невольно шевельнулось легкое разочарование.

Однако Бог Амон не заставил его долго ждать. Едва Пуламеси успел поставить кубок, как позади раздался голос глашатая: Фараон прибыл! Царица Мутноджмет прибыла! Принцесса Камосиси прибыла!

Фараон, окруженный огромной свитой, величественно двигался издалека. Еще до того, как они приблизились, слышался лязг доспехов и грохот шагов, похожий на раскаты грома. Следом за ним шла его законная Царица. Фараон вошел в зал с таким гордым и грозным видом, что казался воплощением самого солнца. От него исходил такой жар, а сияние было столь ослепительным, что никто не смел поднять на него взгляд.

Пуламеси вместе со всеми вельможами почтительно поклонился Фараону. Поразительно, но все придворные двигались в унисон — это зрелище явно пришлось Фараону по душе.

Хоренхеб, Фараон, с довольным видом принял знаки всеобщего почтения и лишь спустя мгновение небрежно произнес: Это пир в честь победы, господа, оставьте эти формальности.

Он был излишне манерен, но никто не осмеливался указать на это. Напротив, все считали само собой разумеющимся, что именно так и должен вести себя правитель. У него была своя власть и свой стиль — как иначе оставаться тем, кто стоит выше всех остальных?

Люди выпрямились и вернулись на свои места. Фараон прошел мимо Пуламеси, а следом за ним — великолепно сохранившаяся Царица.

Ей было за тридцать, но кожа оставалась упругой, и она совсем не походила на мать двоих взрослых детей. Скорее, она напоминала цветок в самом полном расцвете: обворожительная, привлекающая взгляд, она обладала зрелой грацией, недоступной юным девушкам. Она в точности соответствовала образу гордой царицы, подобающему спутнице Фараона.

Но это было не главное. Пуламеси затаил дыхание, зачарованно глядя на идущую следом за

Царицей принцессу Камосиси — человека, по которому он тосковал долгие месяцы.

Он уезжал из Фив, храня любовь к ней в сердце, шагал по бескрайним пустыням, минуя заброшенную древнюю столицу Амарну, и направлялся к далеким, неведомым границам.

Солнце танцевало на желтых песках, словно маленькие челноки, бесконечно ткущие золотой ковер.

Время пело свою песнь среди белых облаков, будто неустанный поток, пишущий историю великой реки.

День за днем, год за годом, любовь, подобно семени, зарытому в плодородную почву, медленно пускала корни, прорастала и превращалась в прямое, могучее дерево.

Когда он, сжимая меч, отважно сражался, и кровь окропляла его лицо, в нем крепла одна тайная мысль.

Пусть умереть за страну на поле боя — величайшая честь, но он не хотел погибнуть в песках, не хотел пасть на поле брани и тем более не желал, чтобы жажда и голод похитили его жизнь.

Он должен вернуться в Египет, в столицу, вернуться победителем к той, что была ему мила.

Он должен стать достойным ее.

И вот она перед ним.

Вуаль, скрывающая лицо, притягательные тени на веках, статная фигура в синем платье, украшенном роскошными драгоценностями — даже в профиль она была способна лишить рассудка.

Множество золотых камней сверкало на ее одежде, но они не могли затмить ее собственного сияния, ведь драгоценностей в мире бесчисленное множество, а она — одна на миллион.

Она села на место, ближайшее к трону Фараона. Ее движения были изящны и естественны, словно текущая вода.

Именно так и подобает вести себя принцессе Великого Египта. От нее веяло благородством с головы до ног. На пиру присутствовали и другие принцессы, но ее красота делала их блеклыми теньями, лишь фоном для ее величия.

Это принцесса Камосиси. Увидеть ее воочию — великое счастье.

Пуламеси услышал шепот вокруг и обернулся, одарив говоривших тяжелым взглядом.

Скоро она станет замужней женщиной, нечего заглядываться на чужую жену.

Рядом с Камосиси сидел еще один знатный вельможа в богатых одеждах.

От этого человека веяло утонченностью и ученостью. Черты его лица отдаленно напоминали Фараона, но характер был совершенно иным.

Он казался мягким и нежным, что в эту эпоху воинской доблести явно не вызывало всеобщего восхищения.

Это был Мери, старший сын Фараона. Несмотря на участие в пиршестве, он отодвинул кубок и блюда с фруктами в сторону, разложив перед собой папирусы. Он не поднимал головы, ничто вокруг его не занимало — лишь когда прозвучало имя принцессы Камосиси, он на мгновение поднял взгляд.

Фараон и Царица восседали на троне. Чуть ниже, на местах для законных наследников с чистой кровью, сидели Мери и Камосиси, обращенные лицами друг к другу.

Остальные места занимали дети Фараона от наложниц. В обычных обстоятельствах они почти не имели прав на престол. Если удавалось привлечь внимание Фараона, они могли стать местными наместниками, а при большой удаче — обосноваться в Фивах. Что же до принцесс, то их судьба была предрешена: выйти замуж за вельможу, за собственного единокровного брата или даже за самого Фараона — своего родного отца.

Бог Сет — символ жестокости. Он даровал нашей армии сокрушительную силу, одарил нас храбростью и яростью. В этой войне наша армия одержала великую победу на передовой! И это заслуга нашего Визиря, Пуламеси.

Хоренхеб поднял кубок, приветствуя Пуламеси.

Пуламеси встал, с почтением поднял свой кубок, поклонился и осушил его до дна.

Присутствующие нетерпеливо зааплодировали, во всеуслышание восхваляя доблесть Фараона и мудрые стратегии Джати.

<http://bllate.org/book/26741/3202607>